

* Статья написана при участии В. П. Лукьянина. В статье использованы также материалы из книги Е. Н. Колосовой «Василий Иванович Патрушев: известный и неизвестный» (Екатеринбург; Сургут, 2008) и документы из фондов музея УрГУ.

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

К 100-летию со дня рождения В. И. Патрушева*

В. Н. Большаков, академик РАН, директор Института экологии растений и животных УрО РАН

В. Е. Третьяков, член-корреспондент РАН, президент УрГУ им. А. М. Горького

Н. Н. Фирсов, декан биологического факультета УрГУ им. А. М. Горького

Вековой юбилей – не столь крупный, как видится кому-то с отметки двадцати, тридцати, да хоть бы и пятидесяти лет. На торжество по поводу столетия замечательного человека обычно собирается немало людей, которые не просто помнят юбиляра, но помнят его еще не старым и полным сил, а случается, пусть очень редко, что и сам юбиляр доживает до такой красивой круглой даты.

К сожалению, Василия Ивановича Патрушева сегодня помнят уже не многие: он умер, когда ему шел всего-то 52-й год, то есть почти полвека назад. Но его короткая жизнь вместила в себя так много ярких дел и драматических событий и оставила после себя столь неизгладимый след, что для тех, кому когда-то довелось с ним общаться, встречи с Патрушевым по сей день помнятся как значительные, может быть, самые значительные события далекой юности.

Кто же он такой – Василий Иванович Патрушев?

Прежде всего, это был, конечно, ученый-биолог выдающегося таланта, сформировавшийся под влиянием видных биологов своего времени – академиков Н. И. Вавилова и И. И. Шмальгаузена, профессоров Н. П. Кренке и Я. Я. Луса. В. И. Патрушев предложил периодизацию биологических наук и ввел понятие «биотехника», первым на Урале начал работу с мечеными атомами и заложил основы радиобиологии. Ему принадлежит идея физиологической хирургии. Он инициировал исследования в области сельскохозяйственной биологии, выдвинул идею оценки функций организма как реакций на разного рода нагрузки, а позже – физиологии акта внимания человека. К сожалению, эта творческая щедрость не всегда отливалась в завершённые формы на страницах научных изданий; порой Василий Иванович просто «подбрасывал» идею – и кто-то из учеников или сотрудников ее подхватывал. Но идею «к делу не пришьешь», и профессора Патрушева на официальном уровне не раз упрекали в недостаточно интенсивной научной работе. Например, в характеристике, подписанной 2 марта 1956 г. ректором УрГУ имени А. М. Горького Г. И. Чуфаровым и партгором Н. М. Сушковым, говорилось, что «с 1946 года и по настоящее время, т. е. за 10 лет, в печати не появлялось научных работ В. И. Патру-

шева. За указанный срок им опубликован только один доклад, прочитанный на конференции по вопросам значения возраста при разведении сельскохозяйственных животных (1953 год), и несколько лекций на правах рукописи»¹. Что тут можно возразить?

Однако Василий Иванович работал в университете, заведовал кафедрой, им же и созданной, читал лекции студентам, руководил аспирантами – искры его научных прозрений воспламеняли умы молодых исследователей. Из тех, кого он тогда «обратил в свою веру», выросли впоследствии три академика, они убежденно причисляют (или причисляли: одного уже, к сожалению, тоже нет в живых) себя к его ученикам. А все-таки лишь один из них продолжил торить тропу, намеченную учителем², другие избрали иные маршруты. И более десятка диссертантов (аспирантов и ассистентов), начинавших свои исследования под его руководством, но защитившихся уже после смерти Василия Ивановича, продолжателями «школы Патрушева» не стали. Так была ли школа? При том, что В. И. Патрушев стоял у истоков многих направлений биологической науки, получивших развитие на Урале...

Несомненно, Василий Иванович был выдающийся организатор. Он создал, как упомянуто, на биофаке УрГУ кафедру физиологии человека и животных и ру-

¹ Архив УрГУ. Оп. 4. Св. 117. Личное дело В. И. Патрушева. Л. 37.

² Заметку академика М. П. Рошевского о вкладе В. И. Патрушева в биологическую науку редакция планирует опубликовать в следующем номере «Вестника».

ководил ею с момента создания (1950) до самой своей безвременной смерти (в 1962 г.). Кафедра существует и по сей день. Патрушев организовал и возглавил (в 1944 г.) Институт биологии УФАН, но после печально знаменитой августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. был изгнан из института. Однако институт, его детище, существует и поныне, хотя, разумеется, после всех естественных и «неестественных» трансформаций это уже совсем другое научное учреждение – Институт экологии растений и животных УрО РАН.

В 1956 г. В. И. Патрушев организовал еще одно учреждение, на этот раз научно-прикладного профиля – Уральский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (УралНИИСХоз, пос. Исток Свердловской области) и два года был его директором. Однако после столкновения с партийными властями на самом высоком уровне (во время визита в Свердловск Н. С. Хрущева в 1958 г.) вынужден был оставить и этот пост.

Казалось бы, разгадка драматических перипетий судьбы талантливого ученого таится в его не только идейном, но даже и личном противостоянии тогдашнему фавориту партийных властей Т. Д. Лысенко. В таком случае В. И. Патрушева легко было бы представить очередной жертвой партийного произвола в отношении научных кадров. Отчасти это могло быть правдой, но остались бы вопросы; как-то не очень плотно укладывается его судьба в матрицы привычных схем. То ли судьба очень уж неординарная, то ли умозрительные схемы упрощают реальную жизнь?

Так или иначе, вспомнить Василия Ивановича Патрушева в год его столетия – значит не только отдать дань памяти человеку, вклад которого в развитие биологической науки на Урале трудно переоценить, но и еще раз присмотреться к «великому и ужасному» прошлому, из которого все мы вышли и которое продолжает жить в нас.

Крестьянские корни

Большевистской власти нынче вменяется в вину, что она уничтожила российское крестьянство. В целом это утверждение можно признать справедливым,

сделав, однако, две важные оговорки. Во-первых, очень большая часть крестьянства, причем молодая, энергичная, деятельная, превратилась в промышленный рабочий класс, который в дореволюционной России составлял лишь малую долю населения. Во-вторых, в основном из генетически богатых, но мало востребованных в прошлом глубинных слоев крестьянского сословия проросла советская интеллектуальная элита; от крестьянских корней происходит ее непритязательность, сочетающаяся с пассионарностью и невероятной трудоспособностью. Возможно, последнее утверждение не универсально и нуждается в уточнениях, но уж, во всяком случае, к Василию Ивановичу Патрушеву его можно отнести безоговорочно, потому что происходил он из вятских крестьян и жизнь свою выстраивал с крестьянским упорством, в полной мере используя все возможности, которые давала ему советская власть, но и не ропща особо на власть, которая его породила, а истово борясь против конкретных людей, строивших ему какие-то козни вопреки, как ему думалось, интересам советской власти.

Родился будущий ученый 25 декабря 1910 г. (7 января 1911 г. по новому стилю) в селе Патрушевы на реке Вятке, расположенном в пяти верстах от города Котельнич. Так «пофамильно» было принято называть деревни в Вятском крае, а Василий Иванович приходился правнуком основателю деревни.

Василий был первенцем в многодетной крестьянской семье.

Его отец, Иван Александрович Патрушев, с малых лет жил «в людях» в городе – работал нянькой, «мальчиком» у купца, обучился столярному делу у ссыльного «политического». Он получил некоторое домашнее образование, да еще два года проучился в городской начальной школе. До Первой мировой войны успел побывать и в социал-демократах, и «в бегах», а потом ушел на фронт рядовым пехотного полка и провоевал до конца Гражданской войны. Вернувшись, работал столяром-отходником на железной дороге: в Свердловске, в Котельнице, в Челябинске. У него была одна из самых больших семей в деревне – восемь едо-

В. И. Патрушев
(1911–1962)

ков, а хозяйством в основном занимались жена, Федосья Ивановна Белых, и подросток старший сын.

Федосья Ивановна жила потом со старшим сыном и продолжала жить в его семье, когда его не стало. Жена Патрушева, Нина Сергеевна Спиридонова, многое уз-

На комсомольской работе
(В. И. Патрушев слева).
Котельнич, 1929 г.

нала от нее о детстве Василия Ивановича и оставила воспоминания. Мама Василия, по ее словам, была женщиной суровой и очень хотела вывести семью в зажиточные. «Василию учиться, а мать не отпускает – старший сын помогал ей в хозяйстве. Он мать уговорил, но она, чтобы отбить у него охоту, обула его в женские ботинки на каблуке. Думала, он сам в школу не пойдет. Но умный, смысленный, очень славный на личико, с девичьим румянцем мальчик сразу понравился сверстникам и учителям, и позже, в младших классах, его оставляли за учителя. Помогал во всем учителям»³.

Учился Василий Иванович в котельнической школе II ступени, с культурно-просветительным уклоном. Сохранилась характеристика за подписью заведующего, выданная ему по окончании школы в июне 1926 г.: дескать, занимался в политическом, педагогическом, естественно-научном и литературном кружках, работал в МОПРе и Авиахиме, вступил в комсомол и вообще был активным общественником. И делался вывод, что после окончания школы он может работать и в учреждениях политпросвета, и в крестьянском хозяйстве, но желает продолжить образование.

яном хозяйстве, но желает продолжить образование.

Продолжить образование сразу у Василия не получилось: послали работать «по специальности» – ответственным секретарем по работе с пионерами сначала волостного, а затем уездного Котельнического бюро ВЛКСМ.

Комсомол, над которым сейчас принято посмеиваться, воспитал многие качества будущего ученого: умение брать на себя ответственность за принятые решения, скрупулезность во всем, включая оформление документов, умение работать с молодежью и неумолимо искать новые методы и формы работы. Свидетельством тому являются составленные им во время работы «в комсомоле» документы – разного рода «планы», «информации», «справки», «доклады о работе с юными пионерами», методики, они сохранились в фондах Государственного архива социально-политической истории Кировской области. Хотя возможна и другая трактовка этих документов: комсомольское «делопроизводство» явилось для него чем-то вроде вакцины, которая слабой формой болезни готовит организм к встрече с серьезной инфекцией.

В любом случае хорошо, что комсомольско-бюрократическая воронка не затянула его глубоко: летом 1929 г. бюро Вятского губкома ВЛКСМ освободило Василия Патрушева по собственной его просьбе от аппаратной комсомольской работы и направило учиться в Москву, в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, однако с условием, что по окончании учебы он будет работать «при сельхозкоммуне». Имелась в виду коммуна «Красный земледелец», куда еще в 1928 г. вступила многодетная семья его родителей, а юридически и он вместе с ними. Не будем обсуждать эту «новокрепостную» зависимость, ибо важна суть произошедшего: крестьянскому сыну позволили вступить на каменистую, по определению классика, тропу, ведущую к высотам сельскохозяйственной науки. И теперь уже во многом от него самого – от его усердия, работоспособности, от амбиций, наконец, – зависело, как высоко он сможет по ней взойти.

³ Научный архив (НА) УрО РАН. Ф. 31. Д. 45. Л. 1–8.

Путь к Вавилову

Нога, однако, поскользнулась уже на первом камне. Сейчас трудно сказать почему, но в Тимирязевку Василия Ивановича не приняли. Однако он, судя по всему, с поражением не смирился, ибо на «Выписке из протокола № 22 заседания

курса обучения занял у него три года. Трудно даже представить, каких усилий ему это стоило, тем более что жил не учебной единой: как вспоминает Н. С. Спиридонова, «жил он на стипендию, а на старших курсах определился лаборантом на кафедре и помогал матери и отцу подни-

Василий Иванович – выпускник Горьковского сельскохозяйственного института. Горький, 1932 г.

Приемной комиссии Тимирязевской С. Х. академии от 20/VII–29» появилась резолюция: «В Московскую Городскую Апелляционную комиссию», а под ней подпись – хоть и без расшифровки, но тот, кому доводилось работать с рукописями академика Н. И. Вавилова, без риска ошибиться опознает автограф ученого. Неизвестно, при каких обстоятельствах эта резолюция появилась, но именно на ее основании молодого вятского крестьянина включили в список Наркомпроса для поступления в другой вуз. Получив соответствующую путевку, В. И. Патрушев был зачислен на 1-й курс отделения животноводства агрономического факультета Нижегородского университета⁴.

Нынче вузы укрупняют, а тогда, напротив, разукрупняли – было такое поветрие. Это происходило и на Урале, и в Нижнем, и по всей стране. Так что пока Василий Иванович учился, Нижегородский университет разделили на шесть отраслевых институтов, и оканчивал он в 1932-м уже Нижегородский сельскохозяйственный, который, впрочем, тут же, недели спустя, стал Горьковским сельскохозяйственным: жизнь стремительно менялась. И учеба у Василия Ивановича продвигалась так же стремительно: весь

мать хозяйство и растить трех сестер и брата»⁵. При этом был комсомольским активистом: сначала членом бюро ячейки, потом членом бюро института, а в 1932 г. вступил в партию. Несмотря на запредельную загруженность, институт он окончил настолько успешно, что был сразу же рекомендован в аспирантуру (обещание возвратиться с дипломом зоотехника в коммуну «Красный земледелец» осталось невыполненным, но вряд ли читатель поставит это ему в вину).

Руководителем В. И. Патрушева в аспирантуре стал один из ведущих ученых института профессор А. А. Маторин – заведующий кафедрой разведения сельскохозяйственных животных. Видимо, направленностью научных интересов руководителя была обусловлена тема диссертации аспиранта: «Искусственное осеменение сельскохозяйственных животных». К слову, тому, кто знакомится с этим периодом жизни нашего героя по документам, не может не броситься в глаза контраст между невзрачным видом его «Свидетельства» об окончании института (затертая бумажка, напоминающая справку из ЖКО советских времен, правда, с какой-то «неказенной» фотографией) и основательностью подготовки аспиранта. За

⁴ Центральный архив Нижегородской области Ф. 2375. Оп. 3. Д. 1103. Л. 7, 10; Архив Российской академии наук. Ф. 201. Оп. 8. Д. 53. Л. 2.

⁵ НА УрО РАН. Ф. 31. Д. 45.

два аспирантских года Василий Иванович, помимо сдачи кандидатских экзаменов, побывал в научных командировках в Москве, Ленинграде, на Северном Кавказе, в заповеднике Аскания-Нова, стажировался в ряде вузов, познакомился с работой производственных центров, где

Здание Института генетики АН СССР на Каширском шоссе. Москва, 1934 г.

так или иначе занимались интересующей его проблематикой, выступил на нескольких крупных научных конференциях, наладил связи с крупнейшими специалистами в тех областях биологии, с которыми соприкасалась его тема. Словом, ему предоставили, а он использовал все возможности, чтобы выйти на самый передний край науки в том направлении, в котором он двигался. К этому надо добавить, что в те же два первых аспирантских года он выполнял весьма солидную учебную нагрузку, в том числе читал лекции и студентам, и на курсах повышения квалификации агрономов и зоотехников, и лекции эти пользовались большой популярностью у слушателей.

Мы говорим о двух аспирантских годах В. И. Патрушева, но срок обучения в аспирантуре и тогда, как сейчас, составлял три года. Чем же он занимался на третьем году аспирантуры? А третьего года не было: он защитил диссертацию 29 декабря 1934 г., то есть почти на год раньше срока, а в январе 1935 г. стал и. о. доцента кафедры частной зоотехники ГСХИ.

Но в этой должности Василий Иванович проработал недолго: уже с августа того же года начинается переписка руко-

водства Горьковского сельхозинститута с аппаратом АН СССР о зачислении доцента В. И. Патрушева в докторантуру Академии наук. Кто стал инициатором продвижения молодого ученого на более высокую ступень научной иерархии? Точного ответа на этот вопрос нет, но есть основания предположить, что талантливый провинциала первым заметил и подтолкнул вверх профессор Я. Я. Лус (Лусис) – заведующий лабораторией эволюции сельскохозяйственных животных Института генетики АН СССР, то есть один из ближайших сотрудников и сподвижников академика Н. И. Вавилова. Он имел возможность познакомиться с В. И. Патрушевым, когда тот проходил аспирантские стажировки в ленинградских вузах, где Янис Янович тогда работал (Институт генетики был лишь в 1934 г. переведен в Москву, до того он находился в Ленинграде). Сохранился и отзыв Я. Я. Луса о научных работах В. И. Патрушева, который понадобился при отборе в докторантуру наиболее достойных из общего числа претендентов. В отзыве, в частности, говорилось: «Из всех кандидатов в докторанты, соревновавшихся в текущем году по институту генетики, тов. В. И. Патрушев показал наилучшие познания и по вопросам общей генетики, и по частной генетике домашних животных. Это в особенности приходится ценить, учитывая то обстоятельство, что В. И. Патрушев является питомцем провинциального С. Х. ВУЗа, где преподавание генетики поставлено далеко не блестяще, и, следовательно, познания по генетическим дисциплинам он приобрел в значительной мере самостоятельной проработкой дисциплин. К этому можно добавить, что В. И. Патрушев оказался вполне осведомленным в вопросах теоретической генетики, разработанных лишь в самое последнее время (структура хромосом, природа гена) и не вошедших еще в учебники по генетике, что свидетельствует о том, что товарищ следит за новой специальной литературой. Диссертационная работа Патрушева и напечатанная в журнале “Коневодство” статья посвящены проблемам искусственного осеменения и ранней диагностике беременности у лошади. По единодушным

отзывам специалистов, в том числе такого крупного знатока вопросов искусственного осеменения, каким является проф. Милованов, работы Патрушева получили весьма положительную оценку»⁶.

Детальность этой характеристики свидетельствует, что кандидат в докторанты привлек внимание ее автора до того, как тот предстал перед приемной комиссией. Скорее всего, он же и пригласил талантливого провинциала поступать в докторантуру института. Так это или не так, но в октябре (по другим источникам – в декабре) 1935 г. В. И. Патрушев был зачислен аспирантом-докторантом Института генетики АН СССР, его руководителем был назначен чрезвычайно ценивший его профессор Я. Я. Лус. Но институт в ту пору был небольшим – немногим более 30 научных работников, так что все были на виду, все хорошо знали Николая Ивановича Вавилова, как и он знал всех. Это была команда единомышленников, где каждый делал при общей поддержке частицу общего дела. Вот почему В. И. Патрушев с полным правом мог считаться учеником академика Н. И. Вавилова, да таковым он по сути и был.

Отдел селекции и генетики сельскохозяйственных животных, в составе которого Василий Иванович работал над докторской диссертацией, в качестве экспериментальных животных использовал крупный рогатый скот и овец, а также лошадей и даже верблюдов. Для работы с ними животноводы выезжали в экспедиции на 2–5 месяцев в году на опорные пункты. Успенская племенная ферма ярославского скота, Ойротская зональная станция по животноводству, совхоз «Ильич» (Киргизия), Верблюдозавод № 125 (Казахстан), Конезавод № 68 (Узбекистан) – вот неполный перечень командировок докторанта В. И. Патрушева всего за один год.

Для В. И. Патрушева период работы над докторской диссертацией – самое продуктивное время в научной жизни. Впоследствии у него уже никогда не будет такого количества статей, большинство из которых было опубликовано по представлению Н. И. Вавилова в «Докладах Академии наук». В отчетах и выступлениях Н. И. Вавилова и Я. Я. Луса

постоянно фигурирует его имя, подчеркивается пионерский характер его исследований. Особенность научного мышления докторанта В. И. Патрушева заключалась в том, что его более всего привлекали проблемы на стыке физиологии животных и генетики. Он исследовал биохимические характеристики крови сельскохозяйственных животных и гибридов сельскохозяйственных животных в связи с их ростом, предложил новый физиолого-генетический подход к их племенной оценке. Уже тогда ярко проявилась его черта, столь характерная для него на протяжении всей жизни: он был смел в науке – не боялся нового, не боялся ошибаться, не боялся спорить с признанными «мэтрами» при обсуждении его работ на заседаниях ученого совета. А совет состоял из таких известных ученых, как А. А. Бах (Институт биохимии), Н. П. Дубинин (Институт экспериментальной биологии), Б. Л. Исаченко (Институт микробиологии), А. И. Опарин, А. А. Рихтер (Институт физиологии растений), А. С. Серебровский (лаборатория генетики МГУ), И. И. Шмальгаузен (Институт эволюционной морфологии животных).

В 1938 г. в состав института вошла лаборатория морфологии развития растений, которую возглавлял в то время профессор Н. П. Кренке. Знакомство с ним оказало большое влияние на работы В. И. Патрушева: он применил теорию Кренке к племенному стаду для ранней морфофизиологической диагностики скороспелости и крупности (живого веса) животных.

В начале 1940 г. Василий Иванович успешно завершил работу над диссертацией, целью которой было «дифференциальное изучение отдельных видов продуктивности сельскохозяйственных животных в возрастном аспекте и установление основных морфофизиологических систем организма, ответственных за конкретный вид их производительности». Теоретическая проблема, которую пришлось решать, двигаясь к заявленной цели, заключалась в «развитии способов племенной оценки животных, с одной стороны, и науки о наследственности и изменчивости, с другой». Результаты исследования В. И. Патрушев доложил на

⁶ НА УрО РАН. Ф. 31. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

Н. И. Вавилов, директор Института генетики. Из личного дела. Москва, 1940 г.

ученом совете. Н. И. Вавилов высоко оценил работу, диссертация была рекомендована к печати, ее основные положения были представлены отдельным разделом в экспозиции достижений института на ВСХВ-1940, а Василию Ивановичу предложили возглавить выставочную комиссию института.

А 7 апреля 1940 г. на ученом совете под председательством академика Н. И. Вавилова состоялась успешная защита В. И. Патрушевым диссертации.

Казалось бы, важнейший этап профессионального становления молодого ученого завершился полным триумфом: доктор наук в 29 лет! Значение произошедшего подчеркивалось еще и тем, что в «докторское достоинство» Василий Иванович был возведен самим академиком Н. И. Вавиловым. Не было в этой отрасли знаний авторитета более высокого. Но именно это обстоятельство и послужило причиной последующей катастрофы: защиту не утвердили.

Дело в том, что еще в предшествующие годы развернулась борьба вокруг мировоззренческих основ генетики. Впрочем, это тогда могло кем-то восприниматься как столкновение мировоззрений, а на деле – «народный академик» Лысенко, попирая нормы морали и права, прибегая к интригам и демагогии, опираясь на связи в кругах партийного руководства, прорывался к неограниченной власти в той сфере науки, где, по несчастью, его интересы перекрестились с линией развития отечественной биологии, олицетворяемой академиком Н. И. Вавиловым и его сподвижниками.

Поначалу все выглядело более или менее цивилизованно: дискуссии в научных организациях, в методологическом журнале «Под знаменем марксизма», в ходе которых имели возможность высказаться не только критики, но и критикуемые. В защиту своих воззрений выступили тогда и сотрудники Института генетики – К. Дончев, Н. П. Кренке, Г. Г. Меллер, А. А. Сапегин, сам Н. И. Вавилов. Как свидетельствуют документы архивного фонда Института генетики – протоколы заседаний актива и ученого совета института за 1938–1939 гг., документы по подготовке к слушанию о работе института на Президиу-

ме Академии наук СССР и дискуссии по генетике в редакции журнала «Под знаменем марксизма», – добросовестность ученого и общественный темперамент В. И. Патрушева не позволили ему остаться в стороне от этих споров. В частности, он принял участие в написании коллективной монографии «Критический пересмотр основ генетики», инициатором и руководителем авторского коллектива которой был Н. И. Вавилов.

Эта монография должна была систематизировать и четко обрисовать позицию, которую представляли генетики института во главе с их лидером, в дискутируемых вопросах, дать убедительный ответ на все нападки оппонентов. Поскольку замысел книги был порожден большим (хотя, разумеется, искусственно раздутым) общественным интересом к проблематике, то и появление ее на свет должно было вызвать широкий резонанс. Вот почему освещение узловых проблем, которые предстояло рассмотреть в монографии, было поручено самым компетентным специалистам в соответствующих областях биологии. Понимая свою ответственность за общий успех дела, все авторы работали над своими главами весьма добросовестно и основательно, привлекая новейший научный материал и тщательно выверяя аргументацию. И руководство Академии наук сознавало, что готовящаяся монография не просто обобщающий труд, но фугас стратегического масштаба; от того, насколько успешным или не успешным окажется учиненный с его помощью взрыв, будет зависеть не только расстановка сил на конкретном участке биологической науки, но во многом и общая атмосфера, в которой развивается наука в идеологизированной стране. Поэтому план будущего издания и ход его реализации неоднократно обсуждались на заседаниях Президиума АН СССР. Надо ли говорить, что в той накаленной обстановке участники обсуждений не столько стремились выяснить научную истину, сколько разыгрывали многоходовые комбинации, имея в виду какие-то собственные цели?

В заседаниях Президиума весьма агрессивно участвовал и Т. Д. Лысенко – к тому времени президент ВАСХНИЛ и ака-

В. И. Патрушев, докторант Института генетики. Москва, 1935 г.

демик, даже член Президиума Академии наук СССР, а в начале июля 1940 г. лаборатория под его руководством и, следовательно, он сам с персональным окладом постановлением Президиума АН СССР были включены в состав Института генетики. Книга, создававшаяся под руководством Н. И. Вавилова, была объективно направлена против его «революционных» воззрений, он прекрасно это понимал, так мог ли он, с его проломной энергией, допустить, чтобы она появилась в свет? Он и не допустил...

В последний раз проект монографии обсуждался на Президиуме Академии наук СССР 15 июля 1940 г. В ходе обсуждения основным нападкам Т. Д. Лысенко подверглись экспериментальные работы Ю. Я. Керкиса, главы монографии – М. М. Камшилова «Наследственность и развитие» и докторантов института Н. Н. Колесника и В. И. Патрушева «Наследственная и ненаследственная изменчивость». С последними из названных авторов у него были особые счеты: в ходе работы над диссертационными темами они неоднократно «пересекались» с ним и резко критиковали его идеи, а он был человек мстительный. И на том заседании академик Лысенко не только высказался против представленной ими главы – на том основании, что они «необоснованно» обвинили его в ламаркизме, но и воспользовался случаем, чтобы отменить результаты недавней защиты тем и другим докторских диссертаций. Он воспользовался формальным поводом: на заседании ученого совета не было кворума. То есть кворум был, если учесть три бюллетеня, представленных заранее, в связи с отъездом ученых в какие-то командировки, в конвертах, но такой порядок голосования не был юридически закреплен...

Вопрос о том, признать или не признать докторскую защиту Н. Н. Колесника и В. И. Патрушева, отдельно рассмат-

ривался Президиумом АН СССР чуть позже. В поддержку докторантов выступили академик Л. А. Орбели (от имени бюро Биологического отделения), академик О. Ю. Шмидт, академик А. Е. Ферсман; за них всей силой своего авторитета и мощью интеллекта боролся Н. И. Вавилов. Но Лысенко проявил необыкновенную изворотливость и упорство и смог-таки переиграть своих оппонентов: защита была признана недействительной и даже дата повторной защиты не была определена.

В августе 1940 г. был репрессирован академик Н. И. Вавилов, спустя некоторое время директором института вместо него был назначен Т. Д. Лысенко. Он не замедлил расправиться со своими противниками «менделистами-морганистами»; В. И. Патрушев распоряжением по институту от 15 января 1941 г. тоже был освобожден от занимаемой должности и откомандирован в распоряжение Президиума АН СССР.

Уже 8 февраля того же года он успешно защитил диссертацию в Институте эволюционной морфологии животных Академии наук СССР, у академика И. И. Шмальгаузена. Официальные оппоненты не только сочли работу молодого ученого большим вкладом в теоретическую зоотехнику, но и отметили несомненную практическую ценность ее обобщений и выводов. Ярлык «менделиста-морганиста» на нем не висел: хоть в спорах вокруг генетики он осознанно и однозначно стоял на стороне Н. И. Вавилова, а с Т. Д. Лысенко находился в остроконфликтных отношениях, тема его диссертации – «Физиологические подходы к племенной оценке сельскохозяйственных животных» – напрямую к этим спорам не относилась. Казалось, больше ничто не мешало его научной карьере...

Помешала война.

Окончание следует

В. И. Патрушев, директор Института биологии УФАИ СССР. Свердловск, 1945 г.